

ЭВОЛЮЦИЯ, РЕФОРМЫ, РЕВОЛЮЦИИ

А. А. Михайлова

Конституционное развитие Сербии в XIX – начале XX века: становление современного порядка в традиционном обществе

Аннотация: статья посвящена истории принятия конституционных актов в Сербии в период с момента признания ее автономии в границах Османской империи (1835) до образования Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918). За это время было принято пять конституций, некоторые из них побывали в действии дважды. Исследование, выполненное в рамках модернизационного и социокультурного подходов, показывает, что конституционная нестабильность была обусловлена незрелостью политической культуры и слабостью социально-экономической базы молодого государства. Амбиции политической элиты, направленные на создание в патриархальной Сербии европейского конституционного порядка, а также острая внутривластная борьба расширяли систему управления, что оставляло вопрос выработки конституции актуальным на протяжении всего этого периода.

Ключевые слова: история, Сербия, конституция, традиционализм, патриархальность, право, парламентаризм, демократизация, модернизация, либерализм.

Политическая, экономическая и социальная нестабильность последних десятилетий на юго-востоке Европы вызывает устойчивый интерес со стороны широких исследовательских кругов. Особое место в комплексе проблем данного региона занимает судьба сербского народа, которая всегда была тесно связана со всеми геополитическими изменениями на Балканах. В современных исследованиях, посвященных истории Сербии, особое внимание уделяется генезису сербской национальной и государственной традиции, содержащей в себе ключ ко многим нерешенным проблемам этой страны, в том числе связанным с евроинтеграцией.

Как самостоятельное национальное государство Сербия возникла в XIX в.: после долгой (вооруженной, а затем дипломатической) борьбы ей удалось достичь независимости от Османской империи, занимавшей населенные сербами территории более четырех столетий. Важным фактором государственного строительства Сербии было то, что оно началось в условиях отсутствия не только национальной, интеллектуальной или культурной элиты, но вообще какой бы то ни было внутренней стратификации общества. Социум, которому предстояло стать нацией и обрести государственность, был гомогенен и практически целиком состоял из крестьянства; не было даже цехового ремесленно-

го сословия¹. Крестьянство имело традиционную самоорганизацию по типу общин со старейшинами во главе, а хранителем и ретранслятором идеи сербской государственности являлась Православная церковь². В качестве защитников и представителей интересов сербского народа на первых порах выступали воеводы, возглавлявшие борьбу за независимость. Таким образом, к моменту обретения статуса автономного княжества (1830) Сербия как носитель ограниченного суверенитета представляла собой «чистый лист», на который еще только предстояло нанести очертания государства. Выстраивая свою государственную модель, она неизбежно оглядывалась на другие государства, уже достигшие заметных успехов в культурном развитии, техническом прогрессе, материальном благосостоянии и в положении на мировой арене.

Этот факт обусловил методологический аспект современных исследований по истории сербской государственности XIX в. Большинство авторов опирается на принципы модернизационной теории, касающиеся трансформации традиционных обществ посредством европеизации в общества с более современными социальными и про-

¹ История южных и западных славян. Т. 1. М., 2008. С. 420.

² Mylonas Ch. Serbian Orthodox Fundamentals: The Quest for an Eternal Identity. Budapest, New York, 2003. С. 49.

изводственными отношениями. Модернизационный подход удобен тем, что позволяет объяснить логику многих исторических процессов, а также выявить причины большинства противоречий и расхождений, возникающих между устремлениями движущих сил и практическими результатами их активности. Однако отсутствие у него устойчивого аппарата создает сложности при попытке осуществить периодизацию модернизационных процессов; грань между традиционностью и современностью, в частности в балканском контексте, остается размытой.

Начальный этап сербской модернизации относят к последней трети XIX в., когда она обрела свои движущие силы в лице либерально ориентированных деятелей и квалифицированных специалистов с европейским образованием, а также получила необходимые для начала преобразований условия, в частности постоянно действующий парламент³. Между тем есть основания утверждать, что первые шаги на пути к построению современного (по меркам той исторической эпохи) общества были сделаны несколько ранее – в период зарождения самостоятельного сербского государства. Главные компоненты будущей государственности (монархическое правление, Скупщина, Совет и первые учредительные акты) были опробованы еще в ходе Первого восстания. Усовершенствованные и более постоянные формы они обрели с превращением Сербии в автономное княжество в границах Османской империи. С 1835 г. в автономном княжестве начал утверждаться конституционный порядок, на основе которого развивались законодательная и судебная системы нового типа, что также указывает на проявление модернизационных импульсов.

Так или иначе, в XIX в. Сербия предпринимала усилия для того, чтобы вырваться из ориентального традиционализма и приспособиться к современным европейским порядкам. В связи с этим особым вниманием заслуживает история ее конституций в XIX – начале XX в., так как одним из определяющих показателей трансформации традиционного общества в ходе модернизации является его демократизация. Противоречивость конституционального развития может служить своеобразным индикатором динамики модернизационных процессов, происходивших в Сербии, и показателем длительности и сложности пути вхождения сербского общества в эпоху Модернити.

³ Д. Стоянович утверждает, что первая волна модернизации началась в 1868 г. и была связана с уходом из Сербии турецких гарнизонов. См.: *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890–1914., Београд, 2009. С. 386.

Становление сербской государственности пришлось на тот период истории, когда идеи либерализма уже витали по Европе и повсеместно вступали в каталитические реакции с отживавшими свой век феодально-абсолютистскими порядками. Момент обретения Сербией автономии (1830–1833) совпал с очередной волной революционных потрясений в Европе, нацеленных на демократизацию. Либеральные конституции приняли в ряде стран Германского союза (Саксония, Брауншвейг, Гессен, Ганновер, Бавария)⁴. В 1831 г. была принята действующая и поныне конституция Бельгии, установившая режим буржуазной парламентской демократии⁵. С переменным успехом шла борьба за представительскую систему власти и гражданские права в других государствах. Примером для подражания служили Англия и Франция, пионеры европейского конституционализма и парламентаризма. Сербский путь государственного строительства соответствовал общему вектору развития европейской цивилизации и на фоне соседних государств (таких, как, например, Австрия), где идея модернизации политического строя еще только закрадывалась в умы придворных комбинаторов, представлялся достаточно передовым⁶.

Важнейшим отличием сербской модернизации от западноевропейской было то, что утверждавшаяся государственная модель не опиралась на свою естественную эволюцию и не обладала ни политико-экономической, ни социальной базой, ни движущими силами, какие были у государств-вдохновителей. Поэтому продвижение Сербии по пути конституционного развития происходило неравномерно, то забегая вперед, то возвращаясь назад.

В историографии встречаются особые мнения по вопросу о том, какой документ стоит рассматривать в качестве первой сербской конституции. В качестве первого конституционного опыта часто определяют законы 1805, 1808, 1811 гг., принятые сербскими повстанцами в ходе Первого сербского восстания⁷. Однако поражение восстания обесценило принятое им законодательство. Другое мнение сводится к тому, что первой серб-

⁴ История Европы. Т. 5. М., 2000. С. 10.

⁵ Бельгия. Эволюция государственности. М., 2008. С. 199.

⁶ В монархической Австрии в 1817 г. министр иностранных дел Меттерних подал императору меморандум о создании Государственного совета с совещательными функциями. Проект не нашел отклика ни у действовавшего, ни у сменившего его в 1835 г. императора. См.: *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 233.

⁷ *Стојичић С.* Уставно питање у устаничкој Србији 1804–1813 // Пешчаник. 2004. №2.

ской конституцией могут считаться только законы, принятые без иностранного участия, но в условиях признанной автономии, какими были законопроекты, утвержденные Преображенской скупщиной в 1861 г.⁸

Большинство историков единодушно во мнении, что первой сербской конституцией был акт, утвержденный в 1835 г. Факт принятия этого документа в условиях автономности, несмотря на краткий срок его действия, дает право рассматривать его в качестве легитимно принятого закона. Текст конституции, получившей название Сретенской, составил секретарь князя, выходец из Австрии, известный деятель просвещения Д. Давидович⁹, позаимствовавший для этой цели некоторые положения из Кодекса Наполеона и конституций западноевропейских государств¹⁰. В Сретенскую конституцию также были встроены: решения хатт-и-шерифа и грамоты 1830 г.; идеи, которые Давидович почерпнул в общении с французским путешественником Боа Ле Контом; предложения воеводы, лидера вооруженной оппозиции Милеты Радойковича¹¹. Документ носил демократический характер: он гарантировал всем гражданам равенство перед законом, неприкосновенность личности и имущества, право собственности на обрабатываемую землю и угодья, отменял отработочную повинность, предусматривал передачу казны в ведение Государственного совета, закреплял за Советом и князем верховную законодательную и исполнительную власть¹². Бюджетом ведала Скупщина, также обладавшая законодательной инициативой. Предусматривалось создание независимой судебной системы. Сретенская конституция содержала положения о территории княжества, о его гербе и флаге. Она представляла собой смелую претензию вассальной Сербии на самостоятельность в решении внутренних дел и попытку предстать в глазах мировой общественности в современном европо-морфном облике.

Документ находился в действии всего два месяца. Отраженные в нем идеи не могли быть с легкостью реализованы на практике из-за непоследовательности власти, слабости социально-экономической базы и неустойчивости позиций самой Сербии. Установившаяся в Сербии власть

была заинтересована в укреплении собственных позиций, а вовсе не в их ограничении, чему призвана служить конституция¹³. Это противоречие проявилось еще на этапе зарождения институтов, когда составленный бароном Г. Строгановым проект осуществления государственной власти в будущей автономной Сербии (1820), впоследствии легший в основу султанских хатт-и-шерифов 1830 и 1833 гг., подвергся критике и неприятию со стороны сербского князя Милоша Обреновича, искавшего возможности для реализации авторитарных амбиций¹⁴. Князь согласился на ограничение своего режима, лишь когда над ним нависла опасность потери престола.

Сербия не могла вести борьбу за полную независимость в отсутствие собственных письменных законов. В связи с этим возникал парадокс, который можно отнести на счет пресловутой «сербской специфики». Первое лицо автономной Сербии — Милош Обренович, в прошлом пастух, впоследствии вождь повстанцев, а затем князь (1815–1839; 1858–1860) образования не имел. Неграмотными были и его соратники, оказавшиеся у власти¹⁵. Их представления о том, какой должна быть власть в государстве, по большей части основывались на практике и аналогиях с понятным и привычным турецким стилем управления. Однако стремление освободиться от турецкого наследия заставляло искать другие варианты. С этой целью Обренович пригласил к себе на службу в качестве советников и секретарей нескольких сербов из Австрии; благодаря действовавшей на территории соседней монархии церковно-школьной автономии те были более грамотны и более осведомлены о внутреннем устройстве европейских государств¹⁶. Минус крылся в том, что они были теоретиками и выполняли княжеское поручение по подготовке законодательства, исходя из известного им опыта Австрии и Франции, игнорируя сербскую эндогенность. Не соответствие теории и действительности, недостаток практического опыта «архитекторов» власти стали фактором, помешавшим выработке закона, отвечавшего бы потребностям, возможностям и

⁸ Павловић М. Преображенски устав — први српски устав. Крагујевац, 1997.

⁹ Поповић Д. Димитрије Давидовић — од народне к појединачној слободи / Либерална мисао у Србији. Београд, 2001. С. 31.

¹⁰ Љушић Р. Оријентални новинар, европски политичар — Димитрије Давидовић (1789–1838). Београд, 2006. С. 87.

¹¹ Љушић Р. Српска државност 19 века. Београд, 2008. С. 171.

¹² Уставъ Княжества Сербіе. Крагуевац, 1835. С.3.

¹³ Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1996. С. 33.

¹⁴ Кудрявцева Е. П. Российский дипломат Г. А. Строганов (1770–1857) // Новая и Новейшая история. 1993. № 4. С. 162; она же. Российский посланник в Константинополе Г. А. Строганов // Портреты российских дипломатов. М., 1991. С. 39.

¹⁵ Marinković M. Knez Miloš i njegovi savetnici i činovnici: Jedna politička i državotvorna generacija // Српско наслеђе. 1998. № 11.

¹⁶ Бешлин Б. Српски либерализам у 19 веку – генеза, идеје, страначке поделе // Зборник матице српске за историју. 2003. № 67–68. С. 69.

амбициям молодого княжества. Сыграло роль и то что, несмотря на многолетнюю работу по подготовке конституции (она началась в 1829 г.), окончательный текст документа был составлен наспех и принят в экстремальных условиях, когда массовое восстание, организованное оппозицией, создало угрозу княжеской власти.

При работе над Конституцией 1835 г. не была учтена позиция держав, что предопределило судьбу документа. Конституция вызвала раздражение Австрии, России и Турции, незаинтересованных в укреплении сербской самостоятельности¹⁷. Возникает вопрос: на каком основании Сербия принимает конституцию, если ее нет ни у одной из этих стран. Трехцветный флаг по типу французского, предшествовавшее принятию документа восстание вызывали понятные ассоциации и опасения за спокойствие внутри многонациональных государств¹⁸. Дипломатическое давление на сербского князя привело к отмене конституции.

Отмена Сретенской конституции усугубила обстановку в княжестве. Принятие документа, регламентирующего политическую систему, становилось острой необходимостью. В этих обстоятельствах была создана очередная комиссия для составления нового проекта конституции, а также начата разработка гражданского и уголовного кодексов и проекта устройства Государственного совета. Дело вновь поручили юристам из Австрии¹⁹. Их разногласия послужили поводом для вмешательства в ситуацию международных арбитров и передачи права урегулирования вопроса султану. Это свидетельствовало о незрелости сербской правящей элиты и ее неспособности преодолеть внутренние противоречия без советов со стороны, подтверждало преждевременность заявлений о самостоятельности.

Работа по подготовке конституции была перенесена в Стамбул. В ней принимали участие члены сербской делегации А. Петрониевич, Я. Живанович, Й. Спасич, русские посланники В. П. Титов и А. П. Бутеньев, чиновники Порты Мустафа Решид-паша и Нури-Ефендия. На счастье сербов с 1837 г. у власти в Турции находились молодые проевропейски настроенные политики. Их лидер Решид-паша с 1834 по 1837 г. пребывал в Лондоне и Париже,

что предопределило лояльность Турции в данном вопросе; среди советников Решид-паши было двое французов²⁰. Российские дипломаты также принимали деятельное участие в выработке проекта, несмотря на специфику государственного строя собственной страны (Россия была заинтересована в ограничении авторитарных амбиций сербского князя). В декабре 1838 г. султан Махмуд II подписал конституцию, получившую название Турецкой. Она была представлена в форме хатт-и-шерифа: статьи не систематизированы, отсутствовало разделение на главы, документ грешил неточностями и повторениями. Стиль документа был выдержан в духе восточного послания покровителя своим подданным. Его высочество султан «дарил» конституцию жителям «своей провинции Сербии»²¹.

Новая конституция включала ряд статей, входивших в предыдущую, ряд принятых прежде законов и подтверждала личные свободы. Вопреки классическому формату конституции треть документа составили статьи о порядке судопроизводства, что объяснялось необходимостью регулировать правовые вопросы в условиях отсутствия гражданского и уголовного кодексов. Оговаривалась несменяемость судей. Князь наделялся неограниченной исполнительной властью: он мог назначать чиновников, в том числе членов и председателя Совета, участвовать в выборе митрополита и епископов, командовать войсками, решать налоговые вопросы. Его законодательные полномочия ограничивались Советом, без одобрения которого не могли приниматься важные решения в области права и финансов. Члены Совета могли быть сняты с должности только с согласия султана, что закрепляло турецкое присутствие в делах Сербии. Статья про герб и флаг Сербии отсутствовала. Конституцию 1838 г. можно рассматривать как шаг назад после двух шагов вперед. Она ограничивала самовластие сербского князя Советом и не упоминала о Скупщине; позднее закон о Народной скупщине был принят в качестве дополнения к конституции²². В нем говорилось, что в случае необходимости князь может созвать Скупщину, на практике же она собиралась редко. В нее входил узкий круг назначенцев, это собрание по сути не имело ничего общего ни с сербской патриархально-демократической традицией, ни с представительным органом западноевропейского типа. Поэтому модернизация политической системы Сербии откладывалась до лучших времен, а установившийся режим характеризовался как

¹⁷ Продановић Ј. Уставни развитак и уставне борбе у Србији. Београд, 1936. С.64.

¹⁸ Спасојевић Д. Сто седамдесет година од доношења првог српског устава // Пешчаник. 2005. № 3.

¹⁹ Достян И. С. Конституционална проблема Сербском княжестве в 1830-е гг. Режим уставохранителей / Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 1870-е гг.). М., 1986. С. 131.

²⁰ Макарова И. Ф. Болгары и Танзимат. С. 50.

²¹ Уставъ Княжества Сербіе. Крагуевац, 1838. С. 1.

²² Љушић Р. Српска државност ... С. 177.

олигархический, народ отстранялся от политической жизни. Вместе с тем закон 1838 г. обеспечил Сербии долгую конституционную стабильность, чем создал условия для укрепления и развития государственных институтов, замены исламского порядка сербской законодательной базой²³.

Опыт принятия первых двух сербских конституций выявил главное препятствие на пути модернизационных преобразований в княжестве — отсутствие в обществе адекватных движущих сил, способных провести, поддержать и защитить необходимые изменения, а также социальных слоев, на которые эти силы могли бы опереться. Инициативы сербов, приглашаемых из Австрии, не всегда оказывались понятны и приемлемы для князя и его окружения: ему был намного ближе привычный патриархально-покровительский стиль управления, традиционный уклад царил и в самом сербском обществе. Несмотря на конституцию, человек, проживавший в княжестве, оставался в первую очередь подданным, а уж потом гражданином²⁴. От подданных не ожидалось ни одобрения, ни понимания действий власти. Так, наиболее эффективным методом привлечения населения к общественным работам было не воззвание к гражданскому сознанию, а угроза физического наказания²⁵. Поэтому интеграцию в новый исторический порядок необходимо было начинать с формирования национального интеллектуального ресурса, а также с воспитания у населения чувства принадлежности к своему государству путем просветительской работы.

Осознавая эти проблемы, власть предпринимала меры, направленные на их решение. Еще в 1835 г. по всей Сербии при церквях и монастырях стали открываться начальные школы. Однако низкое качество образования, его религиозная направленность²⁶, а также незаинтересованность населения в получении образования не могли в одночасье изменить ситуацию. Наполняемость школ учениками была слабая. Не помогали ни штрафы, налагаемые на родителей, не водивших детей в школу, ни принудительные приводы учеников²⁷. Не имела успеха

²³ *Јевтић М.* Престанак важења исламско-османског државног права и настана српских закона у XIX веку / Архив за правне и друштвене науке. 2004. Вып. 90. № 1-2. С. 35-54.

²⁴ Приватни живот код Срба у деветнаестом веку. Београд, 2006. С.62.

²⁵ *Влајинац М.* Згон или кулучење ван места становања од средњег века до наших дана. Београд, 1932. С. 413.

²⁶ *Јовановић Н.* Морално васпитање у првим уџбеницима за основну школу у Србији // Пешчаник. 2003. № 1.

²⁷ Об этом свидетельствуют архивные документы (напр.: О штрафах, налагаемых на родителей, которые не посылают своих детей в школу /от 21 марта 1887 г./ Исторический архив Чачак. Фонд О], к. 1) и упоминают современники: «Если

и идея об открытии читален в городах (в 1846 г.). В кратчайшие сроки читальни превратились в места проведения досуга местными жителями за кофе-пением и беседой, утратив целевое предназначение²⁸. Часть из них закрылась спустя некоторое время из-за отсутствия посетителей²⁹. С содержанием газет население не могло ознакомиться самостоятельно, так как процент грамотных оставался ничтожно низким на протяжении всего XIX в. Официальная периодика распространялась посредством обязательной подписки по муниципалитетам, однако и это не гарантировало доведения до сведения населения информации о важных государственных делах. Верховная власть проводила информирование населения посредством рассылки по органам местной администрации специальных циркуляров; они подлежали обязательному публичному прочтению на сельских и городских сходах.

Более заметные сдвиги происходили в деле воспитания просвещенной элиты. С 1839 г. правительство ежегодно отправляло за рубеж на учебу за государственный счет талантливых молодых людей. Получив образование, они возвращались в Сербию и устраивались на государственную службу³⁰. С 1840-х гг. у власти стали появляться люди, ощутившие на деле преимущества государственного устройства передовых европейских стран и хорошо представлявшие себе отечественную специфику. Сохранялась и традиция привлечения для работы в государственном аппарате австрийских сербов (они были необходимы новой элите в ее усилиях по созданию в Сербии европейской модели централизованной администрации). Эти люди (их называли уставобранителями) добивались преобладания власти Совета над властью князя, апеллируя к конституционному порядку³¹. Их достижением стало введение в 1844 г. гражданского кодекса, сочетавшего в себе австрийское право и Кодекс Наполеона³².

бы жандармы не принуждали народ учиться, школы бы были пустыми» (*Марковић С.* Српске обмане // Марковић С. Одабрани списи. Нови Сад, 1961. С. 165).

²⁸ *Гацковић С., Вельковић С.* Од читалишта до народне библиотеке у Зајечару. 1866-1996. Зајечар, 2001. С. 14; О Нишкој читаоници // Нишке новине. 1 мај 1886.

²⁹ Ответ главы Смедеревского округа министру просвещения о состоянии читальни. Архив Сербии, Ф. МПс VIII, фасц. 1238/1860 Л. 755; Ответ главы Алексинацкого округа министру просвещения о состоянии читальни. АС, Ф. МПс VIII, фасц. 1238/1860 Л. 521

³⁰ *Milanović J.* Друштвене pojave у Srbiji XIX veka. Београд, 2002. С. 71.

³¹ От сербск. *устав* (конституция) и *бранити* (защищать). *Прим. авт.*

³² *Bataković D. T.* Belgrade in the nineteenth century. A historical survey // Journal of the North American Society for Serbian Studies. 2002. № 16 (2). С. 335-339.

Продолжение политики воспитания национальных кадров за рубежом привело к тому, что в конце 1850-х гг. на передовую выдвинулось новое поколение либералов, ведомых романтическими идеями нации, французским пониманием народного суверенитета, английским видением парламентаризма, бельгийскими представлениями об институте конституционной монархии. Безаристократичность сербского общества они считали залогом быстрого и безболезненного установления демократических порядков в стране³³. Их борьба была направлена на утверждение представительской системы власти³⁴. С середины XIX в. европейские ценности уже были присущи и сербским монархам. Наиболее ярко это выразилось во втором правлении князя Михаила (1860–1868), который вернулся из австро-венгерского изгнания в образе просвещенного правителя, покровителя образования и культуры. Образование за рубежом получили многие его преемники.

Следствием внутренней политики, проводимой князьями с момента обретения Сербией автономии, стали изменения в социальной структуре княжества, выражавшиеся прежде всего в росте городского населения, составлявшего в 1860-х гг. 4–5 %. В городах жили торговцы, ремесленники, чиновники, интеллигенция, стали появляться успешные и зажиточные предприниматели. Рост городского населения происходил также благодаря миграции в Сербию семей с прилегавших к княжеству австрийских и турецких территорий. Население городов становилось прослойкой, которая более энергично приспосабливалась к новым веяниям, вовлекалась в политическую жизнь и считывала на перемены.

Очевидное «взросление» сербской нации составляло все меньше оснований для турецкого присутствия в ее делах. Вывод последнего турецкого гарнизона с территории Сербии (1867) поставил вопрос о пересмотре «дарованной султаном» в 1838 г. конституции и о разработке законопроекта, соответствовавшего изменившейся ситуации. Таким документом стала Конституция 1869 г., над текстом которой работали представители сербской интеллигенции Й. Ристич, Р. Милойкович, Д. Матич и М. П. Блазнавац. Она провозглашала Сербию «конституционной монархией с народным представительством» и с наследственной династией Обреновичей во главе. В случае династи-

ческого кризиса князем Сербии мог стать любой достойный этого положения серб, за исключением представителей рода Карагеоргиевичей: на них, по утверждению авторов конституции, «пало проклятие»³⁵. Сия формулировка демонстрирует специфичность сербской политической культуры, которая нередко проявлялась при адаптации элементов европейского модерна к традиционной балканской матрице.

Личность князя объявлялась неприкосновенной, он не был ответствен перед Скупщиной, ему принадлежала законодательная инициатива. Роль Скупщины сводилась к одобрению или отклонению предложений князя по изменению законодательства. Скупщина переизбиралась раз в три года и собиралась ежегодно. Она состояла из избираемых и назначаемых депутатов. Князь обладал правом назначать своих представителей по одному на каждых трех народных избранников. Министры, чиновники и адвокаты не могли быть избраны депутатами. Политическая ответственность министров перед Скупщиной не устанавливалась. Министров назначал и сменил князь, они были подотчетны только ему. Право Скупщины утверждать государственный бюджет было ограничено, что лишало ее рычагов воздействия на правительство. Предусматривалось разделение властей. Суды объявлялись независимыми, отменялась несменяемость судей. Появлялось понятие «гражданин»; провозглашались широкие гражданские права, включая свободу слова и свободу печати, но не упоминалось о свободе собраний и организаций. В чрезвычайных случаях действие статей конституции, гарантировавших гражданские и политические свободы, могло быть отменено по воле князя³⁶.

Создание Конституции 1869 г. без вмешательства Константинополя и каких-либо других держав свидетельствует об укреплении сербского суверенитета³⁷. Успешная попытка ограничить власть князя народным представительством создавала условия для формирования новых политических сил в Сербии и развития ее политической культуры в целом. Однако вопреки распространенному мнению принятие Конституции 1869 г. вряд ли можно считать победой парламентаризма: несмотря на внешнюю либеральность закона, существовало много обстоятельств, препятствовавших демократизации власти. В частности, Скупщина не имела инструмента

³⁵ Устав Княжества Сербия. Београд. 1869. С. 6.

³⁶ Там же. С. 14.

³⁷ Marković S. G. *The Political and Economic Heritage of modern Serbia: Two centuries of convergence or divergence between Serbia and Western Europe // Challenges to new Democracies in the Balkans*. Belgrade. 2004. С. 92.

³³ Bataković D. T. *Liberalizam u seljačkoj zemlji* // НИИ. 2002. № 2670.

³⁴ Popović-Obrovčić O. *Kakva i kolika država: Ogledi o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI veka*. Beograd, 2008. С. 57.

воздействия на правительство и не могла инициировать его отставку. Министры и князь от нее не зависели. Отсутствие законодательной инициативы умаляло сущностную ценность этого органа³⁸. Но главной бедой была не столько расстановка полномочий внутри власти, сколько сохранение ее оторванности от народа. Хотя избирательным правом обладало большинство мужского населения Сербии, политических сил, которые были бы в состоянии защитить народные интересы в правовом ключе, в органах власти по-прежнему не было. Чиновники и адвокаты не могли быть избраны в депутаты. Прочую интеллигенцию народ выбирал неохотно, избегало ее и правительство, опасаясь независимого мнения³⁹. Поэтому в скупщинах того времени количественно доминировало крестьянство, а качественно преобладали княжеские назначенцы. Такой состав не мог полноценно функционировать в либерально-демократическом ключе. Между тем парламентские выборы стали новым и прогрессивным явлением в сербской политической жизни.

Рубеж 1870–1880-х гг. принес Сербии коренные изменения. В 1878 г. международное сообщество признало ее в качестве независимого государства, что открывало перспективы для дальнейшей европеизации. В 1881 г. был принят закон о свободе собраний и союзов, позволивший трем основным политическим течениям, сложившимся к тому времени, официально оформиться в качестве политических партий. В 1882 г., стремясь заявить о своем возвращении в Европу, Сербия объявила себя Королевством. Однако одной декларации было недостаточно. Европа стремительно модернизировалась, что вынуждало Сербию предпринимать деятельные меры по преодолению цивилизационного барьера. На практике оказалось, что сербскую европоориентированность было легче воплотить в теории, нежели на практике. Выражением амбиций молодого государства стала Конституция 1888 г., по меркам того времени — одна из самых демократичных в Европе⁴⁰.

Король настаивал на том, что будущая конституция должна стать результатом объединенных усилий по ее разработке, поэтому проект был подготовлен комитетом под председательством

Й. Ристича, в который вошли по три представителя от каждой политической партии. Большой вклад в составление конституции сделал М. Милованович, секретарь комиссии, ездивший по поручению сербского короля в Данию, Бельгию и Францию с целью изучения конституционного опыта этих стран.

Конституция 1888 г. представляла собой «британский образец парламентаризма в его бельгийском варианте»⁴¹. Она утверждала парламентский режим, ответственность министров, независимую судебную систему, контроль Скупщины над бюджетом, практически неограниченное избирательное право для мужского населения, политические свободы и другие основы демократического и гражданского общества. Вводилось самоуправление на местах. Гражданские свободы становились незыблемыми. Подтверждались права на престол династии Обреновичей (о проклятии, павшем на династию Карагеоргиевичей, уже ничего не сообщалось). Скупщина состояла исключительно из выборных представителей, монарх утрачивал право назначать в нее своих ставленников. Во избежание тотального окрестьянивания Скупщины частично вводился образовательный ценз: высшим образованием должны были обладать не менее двух избранных от округа⁴². Тем не менее крестьяне в Скупщине преобладали, им принадлежало право выбора министров, они же диктовали тем свою волю. По сути, конституция осуществляла идею подчинения бюрократии интересам народа⁴³. Оставшись без большинства привычных ему полномочий, король отрекся от престола, оставив пост малолетнему сыну и регентскому совету.

По либеральности Конституция 1888 г. превосходила все предшествовавшие. Однако как и в случае со Сретенской конституцией, документ появился на свет несколько преждевременно. Амбиции сербской политической элиты крепкой опоры не имели. Конституция действовала ровно столько, сколько длился монархический кризис, который был преодолен к 1894 г. К тому времени наследник престола Александр достиг зрелого возраста, избавился от регентского контроля и в тандеме с отцом приступил к борьбе за возвращение монархических привилегий. Как основная помеха реализации личной власти была отменена действо-

³⁸ Сербский мыслитель того времени С. Маркович по этому поводу критически заметил: «Скупщина — ноль, каковым и была и до этого» (Маркович С. Указ. соч. С. 154).

³⁹ Льюиш Р. Сrpска државност ... С. 180.

⁴⁰ Шемякин А. Л. Сербская национальная идея в 1878–1903 гг. Время разочарования и осмысления // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 135.

⁴¹ Шемякин А. Л. Традиционное общество и вызовы модернизации // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб, 2004. С. 32.

⁴² Устав Краљевине Србије. Београд, 1888. С. 28.

⁴³ Јовановић С. Политичке и правне расправе. Београд, 1908. С. 58.

вавшая конституция. Возвращение к Конституции 1869 г., достижению либеральной мысли двадцатипятилетней давности, символизировало стагнацию в политической жизни Сербии.

Усиление личного режима короля и ослабление влияния партий не противоречило интересам обывателей, которые на протяжении всего XIX в. вели традиционно-патриархальный образ жизни и были далеки от борьбы за внедрение в Сербии принципов западноевропейской демократии. Главной причиной неустойчивости сербского либерализма было то, что общественные слои, борющиеся за утверждение этих же принципов на Западе и представлявшие собой силу, с которой нельзя было не считаться, в Сербии отсутствовали. Западные модели не соответствовали сербской социальной структуре⁴⁴. До начала Первой мировой войны не менее 87 % населения составляли крестьяне⁴⁵. В их сознании государственная власть четко ассоциировалась с патриархальными принципами управления общиной, а парламентская система воспринималась в роли гаранта экономического эгалитаризма, традиционно присущего сербской земледельческой общине⁴⁶. На этой почве чувства гражданской ответственности у населения не возникало. В Европе же демократические ценности возникали естественным путем, из внутренних потребностей стратифицировавшегося в ходе экономического развития общества, в котором некрестьянские слои (горожане разного рода занятий, предприниматели и крупные собственники) нуждались в защите частных прав, в том числе и от произвола привилегированного класса, и потому боролись за закрепление этих одинаковых для всех прав в форме конституции. В крестьянской Сербии привозимые демократические ценности защищали те, кто их импортировал или понимал их ценность интуитивно. Отсутствие здесь наследственной аристократии не создавало вопиющего правового неравенства, как это было в ряде стран Запада; мотивов для широкого общественного движения за демократические ценности в условиях крестьянской бесклассовости («патриархальной демократии») не было. Смысл борьбы за либеральную конституцию был понятен лишь небольшой прослойке интеллектуалов, получивших образование на Западе, но они в силу своей идеологической разношерстности не всегда

оказывались в состоянии противостоять монархическому волюнтаризму.

В этих условиях король беспрепятственно продолжал наступление на принципы либерализма. В 1901 г. для усиления своих позиций он инициировал принятие новой конституции, избежав обсуждения данной инициативы со Скупщиной, которой принадлежала законодательная власть. Конституция 1901 г. вводила Верхнюю палату; большинство ее членов назначал король; она получала законодательную власть и право распоряжения бюджетом, что исключало возможность давления Нижней палаты на правительство. Гражданские свободы ограничивались. Ответственность правительства должным образом не оговаривалась. Прописывалась возможность наследования престола представителями побочных линий рода и потомками женского пола⁴⁷.

В 1901 г. с целью смены сенаторов и государственных советников на более угодных и лояльных король отменил действовавшую конституцию, в кратчайшие сроки провел кадровые перестановки, после чего вернул документ в действие⁴⁸, а спустя два года инициировал изменение избирательного законодательства, в результате чего в Скупщину вошли лояльные ему деятели⁴⁹. Такого рода манипуляции вызывали раздражение политической элиты. Недовольство монархом ширилось и в народе, который был обеспокоен не столько самоуправством короля, сколько его сомнительным брачным союзом и отсутствием наследников. Королевский мезальянс и интриги вокруг престолонаследия нарушали обывательский идеал морального облика короля — отца народа. Поэтому общественное мнение встретило переворот 1903 г. без разочарований.

Свержение династии Обреновичей вновь актуализовало вопрос о конституции. Его было решено обсудить до коронации престолопреемника. Скупщина отказалась от двухпалатного парламента и сошлась на идее введения в действие Конституции 1888 г. с пересмотром ряда ее положений. В документ внесли более 30 поправок; наиболее существенные из них касались вопроса о престолонаследии, возвращавшегося на мужскую линию⁵⁰. Впервые в истории Сербии конституция была принята Скупщиной без участия монарха.

Четыре попытки изменить Конституцию 1903 г. успехом не увенчались. Королевство Сер-

⁴⁴ Bataković D. T. Le chemin vers la démocratie. Le développement constitutionnel de la Serbie. 1869–1903 // *Balkanica*. 2007. № 38. С. 133.

⁴⁵ Ђорђевић Д. Српско друштво. 1903–1914 // *Марксистичка мисао*. 1995. № 4. С. 125–136

⁴⁶ Popović-Obradović O. Указ. соч. С. 74.

⁴⁷ Устав Краљевине Србије. Београд, 1901. С. 4.

⁴⁸ Љушић Р. Српска државност ... С. 245.

⁴⁹ Јовановић С. Указ. соч. С. 65.

⁵⁰ Устав за краљевину Србију. Крф, 1916. С. 11.

бия функционировало согласно этой конституции до конца своего существования (до 1918 г.). 1903–1918 гг. большинство сербских историков определяют как время становления сербского парламентаризма, а тот факт, что за время войн начала XX в. все полномочия Народной скупщины оставались неизменными, приводят в качестве аргумента в пользу того, что сербское общество созрело для становления демократической системы правления⁵¹. Однако многие исследователи склонны оценивать победу парламентаризма в Сербии в начале XX в. скептически, упрекая коллег в «излишнем «европеизировании» собственной истории»⁵². Сербский парламентаризм ими оценивается как «имитационный», т. е. повторявший общие черты европейского, но им не являвшийся.

В начале XX в. качественные сдвиги происходили в обществе, во власти, в экономическом развитии. У власти утвердилась радикальная партия, партия народнического толка, олицетворявшая консенсус идей западного либерализма с сербской национальной самобытностью, что способствовало росту ее популярности и подъему политической активности населения.

Естественный ход сербской истории был прерван Первой мировой войной, что мешает строить предположения о том, могла ли Конституция 1903 г. преодолеть порочный круг времен правления Обреновичей, когда смена конституций осуществлялась чуть ли не при каждой смене поколения власти. Практика показала, что сербские конституции эпохи Обреновичей являли собой компромисс династии с влиятельными политическими оппонентами: в 1835 г. — с вооруженной оппозицией, в 1838 г. — с турецкой администрацией и державами, в 1869 г. — с либералами, в 1888 г. — с радикалами, в 1901 г. — с прогрессистами и радикалами. Каждый из Обреновичей, утвердившись на престоле, считал делом чести вписать свое имя в документ, символизирующий просвещенность и современность его стиля правления. Конституции писались со слабым замахом на будущее, в большей степени решали насущные правовые сложности, что подспудно предполагало недолговечность их действия. Конституция воспринималась не как высшая ценность, гарант национального

единства и стабильности, неизменности свобод и прав граждан, стержень государственного устройства или основа правового законодательства, а как пакт, устанавливавший равновесие политических сил, действовавших в определенный период. Конституция могла быть переключена в угоду конъюнктуре, что подрывало принципиальные основы конституционности монархии и приводило к злоупотреблениям. Вслед за сменой конституции менялось и сопутствовавшее ей законодательство, что не способствовало стабильному развитию. Отсюда можно вывести еще один парадокс: введение в Сербии чего-то нового, как правило, отменяло наработанное прежде⁵³. Конституции, принимавшиеся при Обреновичих, при повторении некоторых пунктов в целом были разнохарактерными. Даже Конституция 1903 г., повторявшая по существу положения Конституции 1888 г., представляла собой своеобразное «началом сначала»⁵⁴. Нарушался континуитет и преемственность политики между поколениями власти.

В этом отношении последняя конституция Королевства Сербии представляла собой исключительный случай, когда вместо разработки нового законопроекта было решено усовершенствовать Конституцию 1888 г. К 1903 г. был накоплен достаточный опыт в области разработки конституционных проектов для независимой Сербии и с учетом ее особенностей. К тому же для утверждения новой конституции был выбран подходящий момент. Документ оказался своевременным, не противоречил амбициям сербской политической элиты, способствовал развитию сербского парламентаризма.

Таким образом, от момента пробуждения национального сознания до становления сербского национального государства, адаптированного к западноевропейской парламентской системе, прошло почти столетие. Однако социально-экономические сдвиги, следовавшие за этим прорывом, не были столь же внушительны. Страна оставалась аграрной, а экономический подъем предвоенного времени был связан прежде всего с изменением условий экспортной политики и с развитием технологий обработки сельскохозяйственной продукции⁵⁵. В масштабе страны методы хозяйствования и повседневное сознание обывателей оставались архаичными, что позволяет говорить

⁵¹ Лужић Р. Српска државност ... С. 249.

⁵² Шемякин А. Л. Сербское общество последней трети XIX — начала XX вв. глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3. С. 21; Перович Л. Сербия в модернизационных процессах XIX–XX // Человек на Балканах. Социокультурные изменения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб, 2007. С. 21.

⁵³ «В случае с Сербией перемены часто обозначали отмену всего, что было начато прежними властями, аннулирование всего, что уже было сделано, и возвращение к началу». Стојановић Д. Указ. соч. С. 391.

⁵⁴ Перович Л. Указ. Соч. С. 21.

⁵⁵ Stoyanovitch C. Economic problems of Serbia. Paris. 1919.

об отрыве политической модернизации от общественной⁵⁶. Политическая модернизация в Сербии

на рубеже XIX–XX вв. по сути была лишь верхушкой айсберга, большая часть которого по-прежнему покоилась в пучине статично-патриархального традиционализма.

⁵⁶ Шемякин А. Л. Традиционное общество... С. 29.

Список литературы:

1. Batakovic D. T. Le chemin vers la démocratie. Le développement constitutionnel de la Serbie. 1869–1903 // *Balkanica*. 2007. № 38.
2. Bataković D. T. Belgrade in the nineteenth century. A historical survey // *Journal of the North American Society for Serbian Studies*. 2002. № 16 (2).
3. Bataković D. T. Liberalizam u seljačkoj zemlji // *НИН*. 2002. № 2670.
4. *Challenges to new Democracies in the Balkans*. Belgrade, 2004.
5. Јовановић Н. Морално васпитање у првим уџбеницима за основну школу у Србији // *Пешчаник*. 2003. № 1.
6. Marinković M. Knez Miloš i njegovi savetnici i činovnici: Jedna politička i državotvorna generacija // *Српско наслеђе*. 1998. № 11.
7. Milanović J. Društvene pojave u Srbiji XIX veka. Beograd, 2002.
8. Mylonas Ch. *Serbian Orthodox Fundamentals: The Quest for an Eternal Identity*. Budapest, New York, 2003.
9. Popović-Obradović O. Kakva i kolika država: Ogledi o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI veka. Beograd, 2008.
10. Stoyanovitch C. *Economic problems of Serbia*. Paris. 1919.
11. Бельгия. Эволюция государственности. М., 2008.
12. Бешлин Б. Српски либерализам у 19 веку — генеза, идеје, страначке поделе // *Зборник матице српске за историју*. 2003. № 67–68.
13. Влајинац М. Згон или кулучење ван места становања од средњег века до наших дана. Београд, 1932.
14. Гацовић С., Вельковић С. Од читалишта до народне библиотеке у Зајечару. 1866–1996. Зајечар, 2001.
15. Ђорђевић Д. Српско друштво. 1903–1914 // *Марксистичка мисао*. 1995. № 4.
16. *История Европы*. Т. 5. М., 2000.
17. *История южных и западных славян*. Т. 1. М., 2008.
18. Јевтић М. Престанак важења исламско-османског државног права и настанак српских закона у XIX веку // *Архив за правне и друштвене науке*. 2004. Вып. 90. № 1–2.
19. Јовановић С. Политичке и правне расправе. Београд, 1908.
20. Кудрявцева Е. П. Российский дипломат Г. А. Строганов (1770–1857) // *Новая и Новейшая история*. 1993. № 4.
21. *Либерална мисао у Србији*. Београд, 2001.
22. Љушић Р. Оријентални новинар, европски политичар — Димитрије Давидовић (1789–1838). Београд, 2006.
23. Љушић Р. Српска државност 19 века. Београд, 2008.
24. Макарова И. Ф. Болгары и Танзимат.
25. Марковић С. Одабрани списи. Нови Сад, 1961.
26. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1996.
27. На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997.
28. О Нишкој читаоници // *Нишке новине*. 1 мај 1886.
29. Павловић М. Преображенски устав – први српски устав. Крагујевац, 1997.
30. Перович Л. Сербия в модернизационных процессах XIX–XX // *Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.)*. СПб, 2007.
31. *Портреты российских дипломатов*. М., 1991.
32. *Приватни живот код Срба у деветнаестом веку*. Београд, 2006.
33. Продановић Ј. Уставни развитак и уставне борбе у Србији. Београд, 1936.
34. Спасојевић Д. Сто седамдесет година од доношења првог српског устава // *Пешчаник*. 2005. № 3.
35. Стојановић Д. Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890–1914. Београд, 2009.
36. Стојичић С. Уставно питање у устаничкој Србији. 1804–1813 // *Пешчаник*. 2004.

37. Устав за краљевину Србију. Крф, 1916.
38. Устав Књажества Србије. Београд, 1869.
39. Устав краљевине Србије. Београд, 1888.
40. Устав Краљевине Србије. Београд, 1901.
41. Уставъ Княжества Сербіе. Крагуевац, 1838.
42. Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 1870-е гг.). М., 1986.
43. Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.) СПб, 2004.
44. Шемякин А. Л. Сербское общество последней трети XIX – начала XX вв. глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3.
45. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003.

Bibliography:

1. Batakovic D. T. Le chemin vers la démocratie. Le développement constitutionnel de la Serbie 1869–1903 // *Balkanica*. 2007. № 38.
2. Bataković D. T. Belgrade in the nineteenth century. A historical survey // *Journal of the North American Society for Serbian Studies*. 2002. № 16 (2).
3. Bataković D. T. Liberalizam u seljačkoj zemlji // *НИН*. 2002. № 2670.
4. *Challenges to new Democracies in the Balkans*. Belgrade, 2004.
5. Jovanović N. Moralno vaspitanje u prvim učbenicima za osnovnu školu u Srbiji // *Peshchanik*. 2003. № 1.
6. Marinković M. Knez Miloš i njegovi savetnici i činovnici: Jedna politička i državotvorna generacija // *Српско наслеђе*. 1998. № 11.
7. Milanović J. *Društvene pojave u Srbiji XIX veka*. Beograd, 2002.
8. Mylonas Ch. *Serbian Orthodox Fundamentals: The Quest for an Eternal Identity*. Budapest, New York, 2003.
9. Popović-Obradović O. *Kakva i kolika država: Oglеди o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI veka*. Beograd, 2008.
10. Stoyanovitch S. *Economic problems of Serbia*. Paris. 1919.
11. *Bel'giya. Evolyutsiya gosudarstvennosti*. М., 2008.
12. Beshlin B. Srpski liberalizam u 19 veku – geneza, ideje, stranachke podele // *Zbornik matitse srpske za istoriju*. 2003. № 67-68.
13. Vlajinats M. *Zgon ili kuluchenje van mesta stanovanja od srednjeg veka do nashikh dana*. Beograd, 1932.
14. Gatsoviћ S., Veljkoviћ S. *Od chitalishta do narodne biblioteke u Zajecharu 1866-1996*. Zajechar, 2001. S. 14.
15. Ђорђевић D. *Srpsko drushtvo. 1903–1914* // *Marksistichka misao*. 1995. № 4.
16. *Istoriya Evropy*. T. 5. М., 2000.
17. *Istoriya Yuzhnykh i zapadnykh slavyan*. T. 1. М., 2008.
18. Jevtiћ M. *Prestanak vazhenja islamsko-osmanskog drzhavnog prava i nastanak srpskikh zakona u XIX veku* // *Arkhiv za pravne i drushtvene nauke*. 2004. Vyp. 90. № 1-2.
19. Jovanović S. *Politichke i pravne rasprave*. Beograd. 1908.
20. Kudryavtseva E. P. *Rossiyskiy diplomat G. A. Stroganov (1770–1857)* // *Novaya i Noveyshaya istoriya*. 1993. № 4.
21. *Liberalna misao u Srbiji*. Beograd. 2001.
22. Љушић R. *Orijentalni novinar, evropski politichar – Dimitrije Davidoviћ (1789-1838)*. Beograd, 2006.
23. Љушић R. *Srpska drzhavnost 19 veka*. Beograd, 2008.
24. Makarova I. F. *Bolgary i Tanzimat*.
25. Markoviћ S. *Odabrani spisi*. Novi Sad, 1961.
26. Mishin A. A. *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran*. М., 1996.
27. *Na putyakh k Yugoslavii: za i protiv. Ocherki istorii natsional'nykh ideologiy yugoslavjanskih narodov. Konets XVIII – nachalo KhKh v. М., 1997.*
28. *O Nishkoj chitaonitsi* // *Nishke novine*. 1 maj 1886.
29. Pavloviћ M. *Preobrazhenski ustav – prvi srpski ustav. Krugujevats*, 1997.
30. Perovich L. *Serbiya v modernizatsionnykh protsessakh XIX-KhKh* // *Chelovek na Balkanakh. Sotsiokul'turnye izmereniya protsessa modernizatsii na Balkanakh (seredina XIX — seredina XX v.)*. SPb, 2007.
31. *Portrety rossiyskikh diplomatov*. М., 1991.

32. Privatni zivot kod Srba u devetnaestom veku. Beograd. 2006.
33. Prodanoviћ J. Ustavni razvitak i ustavne borbe u Srbiji. Beograd, 1936.
34. Spasojeviћ D. Sto sedamdeset godina od donosheња prvog srpskog ustava // Peshchanik. 2005. № 3.
35. Stojanoviћ D. Kaldrma i asfalt. Urbanizatsija i evropeizatsija Beograda. 1890–1914. Beograd, 2009.
36. Stojichiћ S. Ustavno pitaње u ustanichkoj Srbiji. 1804–1813 // Peshchanik. 2004.
37. Ustav za kraljevину Srbiju. Krf, 1916.
38. Ustav Kњazhestva Srbije. Beograd, 1869.
39. Ustav kraljevine Srbije. Beograd, 1888.
40. Ustav Kraljevine Srbije. Beograd, 1901.
41. Ustav' Knyazhestva Serbie. Kraguevats, 1838.
42. Formirovanie natsional'nykh nezavisimyykh gosudarstv na Balkanakh (konets XVIII – 1870-e gg.). M., 1986.
43. Chelovek na Balkanakh i protsessy modernizatsii. Sindrom otyagoshchennoy nasledstvennosti (poslednyaya tret' XIX – pervaya polovina XX v.) SPb, 2004.
44. Shemyakin A. L. Serbskoe obshchestvo posledney treti XIX – nachala XX vv. glazami russkikh nablyudateley // Slavyanovedenie. 2004. № 3.
45. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. M., 2003.